

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	8
Введение	14
Предыстория	26
Всюду хиппи, хиппи	36
Изучая контркультуры	43
Изучая поздний социализм	48
Об интервью и субъективности	53

Часть I. Краткий курс истории движения хиппи и его системы в СССР

<i>Глава 1. Истоки</i>	65
Вдохновение	66
Первые встречи	71
Битниковские корни	78
Пространства	88
За пределами Москвы	95
<i>Глава 2. Консолидация</i>	102
Рождение <i>Системы</i>	102
Рытье окопов	121
Демонстрация 1 июня 1971 года	130
Поломанные судьбы — в силках системы	143
<i>Глава 3. Зрелость</i>	158
Перелом	159
Карнавал	175
Искусство	194
<i>Глава 4. Ритуализация</i>	204
Возрождение	205
Укрепление	220
Мобилизация	238
Выживание	256

Часть II. Как советские хиппи и поздний социализм формировали друг друга

<i>Глава 5. Идеология</i>	268
Становясь хиппи	278
Свобода (особенно от всего советского), Любовь (которая изменит мир), Мир (типа того) и Невинность (как цветы и дети)	297
Отцы и дети	318
<i>Глава 6. Кайф</i>	329
Музыка	338
Принадлежность	356
Духовность	376
Наркотики	395
<i>Глава 7. Материальное</i>	413
В начале были джинсы	418
Хиппи, создающие вещи	435
Вещи, создающие хиппи	448
Материальный симбиоз	460
<i>Глава 8. Безумие</i>	489
Безумие тебя освобождает	496
Производство безумия	503
Безумные Игры	513
Границы безумия	523
<i>Глава 9. Герла</i>	537
Жила-была герла	541
От девушки к герле	571
Любовь, секс и власть	582
От герлы к советской женщине	599
Память и феминизм	605
Эпилог	615
Глоссарий	631
Источники	633
Указатель имен	652

Посвящается Тию и Эльфи

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга получила огромную поддержку и помощь со всех сторон.

Я благодарна многим организациям за финансовую поддержку, создание благоприятной среды и научное вдохновение. Прежде всего это университеты, в которых я работала и работаю: Бристольский университет и Оксфордский университет (Великобритания), а также «Лейбниц-центр» современной истории (Потсдам, Германия), помогавшие мне на ключевых этапах от начала до конца работы. Многие мои коллеги на протяжении нескольких лет проявляли большое терпение по отношению ко мне и моей эксцентричной теме исследования. Благодарю коллег из Бристольского университета, в первую очередь Джози Макклилан (Josie McLellan), моего соисследователя в проекте «Dropping Out of Socialism» («Выпадая из социализма»). Оказавшись в «Лейбниц-центре» современной истории, я погрузилась в среду, очень способствовавшую глубокому изучению позднего социализма. Я хотела бы сказать спасибо всему департаменту и особенно Яну Берендсу (Jan Behrends), Йенсу Гизеке (Jens Gieseke) и Коринне Кур-Королев (Corinna Kuhr-Korolev) за академическое общение и дискуссии. Еще я благодарна всем женщинам Центра, в частности Аннетте Фовинкель (Annette Vowinckel), за то, что мы с ней были вместе, а не поодиночке, а также двум другим А*** за юмор и понимание. Моя особая признательность — команде академической поддержки и финансирования в Бристольском университете, которой приходилось иметь дело с моими причудливыми графиками рабочих поездок и запутанными счетами. Проект получил щедрое финансирование благодаря двум исследовательским грантам — Dropping Out of Socialism и Zone of Kaif — от Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (AHRC), за что я ему безмерно благодарна.

Дополнительную поддержку в виде стипендий я получила в Центре исследований России и Восточной Европы им. Дэвиса при Гарвардском университете (Davies Center for Russian and East European Studies) и в Институте перспективных исследований Центральноевропейского университета (Institute for Advanced Studies at the Central European University) в Будапеште. Также я благодарна за исследовательский грант Британской академии.

Список коллег-ученых, которые помогли мне и вдохновляли меня во время моего путешествия по хипповским маршрутам, огромен. Я хочу начать с выражения признательности участницам ежегодного ужина для леди — мероприятия, которое не только является одним из самых интеллектуально насыщенных событий в моем календаре, но также на протяжении многих лет было для меня потрясающим источником солидарности и поддержки. Я выражаю особую признательность Йоргу Баберовски (Jörg Baberowski), Стивену Биттнеру (Stephen Bittner), Кейт Браун (Kate Brown), Клаусу Гестве (Klaus Gestwa), Ирине Косалс (Irina Kosals), Бенджамину Натансу (Benjamin Nathans), Сергею Ушакину (Serguei Oushakine), Кристине Рот-Ай (Kristin Roth-Ey), Марше Зиферт (Marsha Siefert) и Стивену Смиты (Stephen Smith) за чтение и комментарии к некоторым частям или ко всей рукописи книги. Ирина Гордеева, специалист по истории хиппи, на протяжении нескольких лет была моим самым важным собеседником и источником бесценной информации в этом проекте. Я рада, что мне удалось привлечь Ирину, а также Анну Фишзон (Anna Fishzon), Ирину Косалс, Эмили Лиго (Emily Lygo), Полли Мак-Майкл (Polly McMichael), Маргарит Ордуханян (Margarit Ordukhanyan) и Джонатана Ватерлоу (Jonathan Waterlow) к изучению хиппи Азазелло и его архива. Наши обсуждения были одними из лучших академических дискуссий, в которых я участвовала в своей жизни. За вдохновение и удовольствие от работы над темой позднего социализма я хотела бы поблагодарить всех, кого я уже упомянула выше, а также Александра Бикбова (Alexander Bikbov), Джонатана Бранстедта (Jonathan Brunstedt), Майкла Дэвид-Фокса (Michael David-Fox), Марко Думанчича (Marko Dumancic), Софию Дьяк (Sofia Dyak), Кристину Эванс (Christine Evans), Дину Файнберг (Dina Fainberg), Мэдди Фихтнер (Maddie Fichtner), Мишу Габовича (Mischa Gabowitsch), Марию

Галмарини (Maria Galmarini), Анну вон дер Гольтц (Anna von der Goltz), Брэдли Горски (Bradley Gorski), Стивена Харриса (Steven Harris), Филиппу Хетерингтон (Philippa Hetherington), Синтию Хупер (Cynthia Hooper), Полли Джонс (Polly Jones), Катриону Келли (Catriona Kelly), Натаниела Найта (Nathaniel Knight), Надю Кравец (Nadiya Kravets), Уку Лембера (Uku Lember), Тома Лойда (Thom Loyd), Розу Магнусдоттир (Rosa Magnusdottir), Максима Матусевича (Maxim Matusevich), Мишеля Муравски (Michal Murawski), Яна Плампера (Jan Plamper), Анатолия Пинского (Anatoly Pinsky), Эрика Скотта (Erik Scott), Крису Шлахту (Kriszta Slachta), Келли Смит (Kelly Smith), Викторию Смолкин (Viktoria Smolkin), Яна Скоробогатова (Yan Skorobogatov), Марка Аллен Сведе (Mark Allen Svede), Анику Уолке (Anika Walke), Збигнева Войновски (Zbig Wojnowski) и Ливу Золнеровицу (Liva Zolnerovica) — всех тех, кто в разное время составлял мне компанию и/или поднимал мне настроение. Я также хочу поблагодарить всех, кто на протяжении многих лет приглашал меня выступать с результатами моих исследований. В первую очередь это относится к Юрию Слэзкину (Yuri Slezkine), благодаря которому я дважды выступала в Беркли и который согласился не только прокомментировать мою работу, но и дать мне интервью. Джордан-центр Нью-Йоркского университета (NYU Jordan Center) был местом моего вдохновения во время пребывания в Нью-Йорке, и я говорю спасибо Яннису Коцонису (Yannis Kotsonis) и Элиоту Боренштейну (Eliot Borenstein) за неоднократные приглашения, а также Терри Мартину из Центра Дэвиса в Гарвардском университете за то, что они смогли превратить этот академический институт в действительно замечательное место для исследователей. Я хочу также поблагодарить всех стипендиатов Центра Дэвиса весеннего семестра 2014 года: наши общие дискуссии об альтернативных идентичностях помогли мне подготовить рукопись этой книги на ее ранних стадиях. Моя стипендия в Институте перспективных исследований в Будапеште (Institute of Advanced Studies, IAS) сыграла важную роль в развитии моих идей на поздних этапах работы над книгой. Обсуждения, которые велись во время осеннего семестра 2017 года, были особенно оживленными, поскольку именно тогда Центральноевропейский университет боролся за свое выживание, а репрессии, изгнание и самоопределение

были не только предметом разговоров, но и реальной жизнью многих моих коллег-стипендиатов. Большое спасибо всем сотрудникам IAS за потрясающее гостеприимство и заботу обо мне и моих дочерях и особенно Наде Аль-Багдади (Nadia Al-Bagdadi) за то, что она создала такое поистине космополитичное и интернациональное пространство. Также я благодарна организаторам конференции по неантропоцентричным перспективам в Колумбийском университете в Нью-Йорке, которая заставила меня всерьез задуматься о предметах материальной культуры. Я хочу сказать спасибо многим представителям академического сообщества Великобритании, в первую очередь Роберту Гилдеа (Robert Gildea) и его проекту, посвященному 1968 году, который увлек меня этой темой много-много лет назад. Мне выпала честь быть приглашенной на выступления и получить полезные отзывы в Оксфорде (неоднократно), SSEES/UCL и Ноттингемском университете. Большое спасибо также Клаусу Гестве за приглашение в Тюбинген, Иоахиму Путткамеру (Joachim Puttkamer) за приглашение в Йену, Вернеру Бенеке (Werner Benecke) за прием в Европейском университете Виадрина, Семёну Гольдину (Semion Goldin) и Катержине Чапковой (Kateřina Čapková) за приглашения в Иерусалим и Вроцлав.

Многие люди помогали мне в качестве «международных курьеров», особенно в процессе передачи личных архивов хиппи в Музей Венде (Wende Museum) в Лос-Анджелесе. Я хочу сказать спасибо Натали Бельски (Natalie Belsky), Сету Бернштейну (Seth Bernstein), Стивену Биттнеру, Александре Пиир (Alexandra Piir) и Анатолию Пински (Anatoly Pinsky). И последнее, но не менее важное: я хочу поблагодарить несколько человек, которые в огромной мере поддерживали меня в моей повседневной работе. Ирина Косалс уже более десятилетия присутствует в моей академической жизни; она расшифровала все сто тридцать пять интервью, которые были взяты для этой книги. Историк и проницательный комментатор, она была также источником мудрости и поддержки. Моя студентка-практикантка в Центре современной истории (ZZF) Анна Соловей (Anna Solovei) без усталы работала вместе со мной над библиографией и разными другими разделами. Огромное спасибо ей, а также Ким Фридлэндер (Kim Friedländer), которая в последнюю минуту очень быстро,

но при этом очень тщательно вычитала все главы. Я также хочу выразить огромную благодарность моим редакторам из издательства Оксфордского университета (OUP) Роберту Фаберу (Robert Faber), Катерине Стил (Catherine Steele) и Кэйти Бишоп (Katie Bishop), которые проявили ко мне бесконечное терпение, а также моему корректору Тимоти Беку (Timothy Beck).

Мне было очень приятно встретиться и сотрудничать с антропологом и режиссером Терье Тоомисту (Terje Toomistu), которая взяла на себя труд снять прекрасный документальный фильм на такую сложную тему. Я безмерно благодарна всем сотрудникам Музея Венде (Wende Museum) в Лос-Анджелесе, особенно Джастину Джамполу (Justin Jampol), который в 2013 году выслушал мои предложения собрать и сохранить архивы советских хиппи и просто сказал: «Давай так и сделаем». В этом музее я на протяжении всех этих лет находила поддержку, участие и вдохновение. Было так познавательно и весело курировать выставку Socialist Flower Power вместе с Джо Сигалом (Joel Segal). Большое спасибо Кейт Долленмайер (Kate Dollenmayer), Кристине Рэнк (Christine Rank) и Аманде Рот (Amanda Roth) за профессиональное хранение материалов и многолетнее радушное гостеприимство.

Этот проект основан преимущественно на устной истории, поэтому прежде всего я хочу поблагодарить тех участников, которые согласились встретиться со мной и дать интервью для этой книги — зачастую даже не по одному разу, а также тех, кто участвовал в последующей переписке со мной. Я перед ними в большом долгу. Спасибо, большое спасибо вам за то, что поделились со мной историями своей жизни. Эта книга настолько же ваша, насколько моя.

Я также бесконечно благодарна сотрудникам архивов и библиотек, в которых я работала, особенно Галине Михайловне Токаревой из так называемого «Комсомольского архива» в РГАСПИ (Москва), с которой я познакомилась буквально за несколько недель до того, как она ушла на пенсию. Огромное спасибо замечательнейшему и самому веселому человеку в Москве — Борису Беленкину из «Мемориала»¹.

¹ Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Эта часть была бы незавершенной без упоминания множества кофеен, в которых писалась книга. Список далеко не полон, но мои особые благодарности Hungarian Pastry Shop и Irving Farm в Верхнем Вест-Сайде Нью-Йорка, Butter Beans в Ричмонде, Espresso Embassy в Будапеште, Die Espressionisten в Потсдаме, а также Café Kolbe и Café Giro в Берлине.

Ученые всегда должны быть признательны своим семьям, потому что наши родственники много лет живут рядом с проектами, которые не выбирали. Мои мама и уже, к сожалению, покойный папа сделали из меня историка (хотя и не преднамеренно). Я благодарна своему мужу Кораму за его терпение и интерес к моим хипповским приключениям и за то, что он так гордится этим странным исследованием, которое я провожу. Обе мои дочери родились во время моего путешествия по хипповским дорогам и узнали слово «хиппи» задолго до того, как познакомились с более полезными, но не такими забавными вещами. Им я посвящаю эту книгу. Love and Peace, Тио и Эльфи!

ВВЕДЕНИЕ

В 1975 году Кисс впервые встретил Офелию и Азазелло.

Когда я их увидел, то был просто в шоке. Передать этот эффект совершенно невозможно, потому что когда ты видишь этих ребят на улице... А что такое советская Москва? Это когда все серое и черное, все носят пиджаки и платья — и на этом все, нет никаких других цветов, только еще красный, да и тот по праздникам. И вот на этом фоне появляются люди, которых невозможно описать. Они все выглядели невероятно красиво, с длинными волосами, как ангелы. Я затрудняюсь найти хорошее сравнение. Ангелы — это кто-то из других сфер, как летающие тарелки. А это были... В общем, для меня эта встреча стала полным шоком¹.

Валерий Стайнер в то время был молодым человеком, совсем мальчиком, который и представить еще не мог, к чему приведут его любовь к музыке и нежелание следовать существующим нормам, но который уже понимал, что хочет быть отнюдь не тем, кем его хотели видеть общество и государство. И вот между этими двумя полюсами — неприятием существующей советской действительности и стремлением к другому, неизвестному миру, где ангелы ходили по земле, — и возникли советские хиппи. Именно в разрыве между реальной жизнью и мечтами наяву молодые люди создавали себе пространство, которое во многих отношениях было более далеким от советской системы, чем большинство людей могли себе представить; пространство, которое всегда находилось между этими двумя полюсами: советской реальностью и мечтами хиппи. Азазелло и Офелия были ангелами, неземными созданиями, разноцветными брызгами на сером холсте, цветами, растущими посреди

¹ Интервью с Валерием Стайнером.

Ил. 1. Азазелло и Офелия. Фото из архива А. Калабина (Музей Венде, Лос-Анджелес)

заасфальтированной пустыни. И все-таки, как отмечает Кисс, беря паузу и размышляя об уместности сравнения их с ангелами, они были советскими детьми. Они не были инопланетянами, они жили в Москве. Глядя на них, он стал думать иначе, чувствовать иначе и даже существовать по-другому. Но ему это удалось еще и потому, что жизнь — советская жизнь — его уже к этому подготовила. На самом деле поворотным моментом для Кисса была не встреча с Офелией и Азазелло, а поездка в Восточный Берлин на Фестиваль молодежи и студентов в 1973 году.

И все эти юные коммунисты приехали в Берлин на фестиваль. У всех у них были длинные волосы. Люди спали прямо на газонах, на улице, мне все это понравилось, мне показалось, что так и надо жить. И вот

контакта с этой молодежью было для меня достаточно, чтобы понять, что мне в этой жизни нужно делать¹.

«Обращение» Валерия произошло в социалистическом государстве, на коммунистическом фестивале, который финансировали советские власти. (Это было особое место встреч, куда могли попасть лишь немногие избранные, хотя и другие социалистические пространства, такие, например, как летний пионерский лагерь московского Литфонда, также были известными источниками антисоветских мыслей и образа жизни².) Единственное, о чем он, пятнадцатилетний, мог в то время думать, так это о том, как сбежать в Западный Берлин. У себя дома он находил все новые и новые ниши для своих взглядов на жизнь: мир, наполненный музыкой, другая эстетика и мораль, которая казалась ему более правильной. Вскоре он встретил сообщество, к которому решил примкнуть, бросив все остальное, — и опять это случилось в стенах социалистического заведения. Впервые Кисс встретил настоящих хиппи — еще пока не ангелов — зимой 1975 года в общежитии Московского государственного университета, студенты которого устроили неформальный вечер, где играли настоящий рок, включая музыку «Роллинг стоунз». На танцы пришли «центровые» хиппи. Худошавые, с длинными волосами, они нигде не учились и не имели постоянной работы, лето проводили в поездках, а зимой подрабатывали неквалифицированным трудом. Когда после танцевальной вечеринки они покидали общежитие, на них напали молодые люди, явно рабочие, которым не понравился их внешний вид. Здесь перед нами появляется еще один участник истории хиппи в СССР: обычное советское общество, чье осуждение было не менее суровым, чем со стороны официальных властей, и чьи нормы и представления были еще одним холстом, на котором хиппи могли рисовать свой яркий портрет. Несмотря на все эти драки с рабочей молодежью, Кисс, а тогда еще Валерий Стайнер, еврейский юноша из тихого спального района Москвы, стал завсегдатаем кафе «Аромат», где собирались столичные хиппи.

¹ Интервью с Валерием Стайнером.

² Интервью с Сергеем Большаковым, Натальей Кушак, Юрием Слэзкиным.

Он тусил с людьми из второго поколения московских «детей-цветов», курил травку, ходил на подпольные концерты — «сейшены», убегал от милиции и комсомольских патрулей. И все равно тогда он еще не считал себя хиппи.

Это случилось не сразу. Сперва мне было важно понять — кто я? Вначале ты просто знакомишься с людьми и ходишь с ними на концерты. Ты с ними беседуешь и говоришь им, что не хочешь, чтобы тебя забрали в армию. И кто-то — в моем случае это был Дворкин — рассказывает тебе, что можно не ходить в армию, а отлежаться в психиатрической больнице. И еще он мне рассказал, как симулировать [психическую болезнь], как проходить тесты¹.

Так продолжилось восхождение — или падение — Кисса в мир настоящих маргиналов. Теперь в его личном деле была отметка «шизофреник», которая спасла его от службы в армии и от других обязанностей, налагаемых на советских граждан. В конечном счете советская система выдала ему документ о том, что он действительно изгой; документ, который также был свидетельством того, что назад дороги нет. Кисс и не собирался возвращаться. Он считал себя бескомпромиссным человеком. Наряду с этой историей появления отметки о «шизофрении», Кисс предлагает еще одно определение хипповства, подчеркивающее его свободу воли: он превратился в хиппи, когда его волосы отросли до максимально возможной длины. После встречи с Офелией и Азазелло он решил, что и весь его внешний вид тоже должен соответствовать. Он научился шить. В своем новом прикиде он все глубже погружался в мир, который, как ему казалось, не имеет ничего общего с тем, что он считал советской жизнью. Этот мир намеренно бросал вызов советским нормам — как тем, которые были закреплены в официальных документах и законах, так и менее очевидным, которые управляли повседневной жизнью в стране.

Я немножко хардкор, я не могу что-то делать наполовину, если я за что-то берусь, то иду до конца. Я — ноябрьский, Скорпион, а Скорпионы

¹ Интервью с Валерием Стайнером.

не останавливаются на полпути, стараются все делать по максимуму. У меня волосы были такой длины, что старушки шипели вслед что-то нехорошее, мол, какой лохматый, иди подстригись. Но я ничего не слышал. У меня была психологическая защита. Я абсолютно ничего не слышал. Реакция советского общества была злобной и агрессивной. Человек, который выглядел необычно, вызывал подобную реакцию. Поэтому я не любил ездить автостопом в одиночку. Когда ты один, ты предоставлен сам себе, и все это становится для тебя намного сложнее¹.

Опуская тему гороскопов, нельзя не отметить, что Валерий затрагивает два важных аспекта, которые сформировали советских хиппи: личные качества и роль сообщества. Бескомпромиссность, позволяющая человеку нарушать правила, и потребность в подлинной общности, безусловно, способствовали успеху движения хиппи во всем мире. Хотя в советских условиях эти аспекты приобрели более глубокое — и в некоторой степени иное — значение. Во-первых, в советской обстановке стать и оставаться хиппи было, безусловно, сложнее. Это означало не только бросить вызов своим родителям, игнорировать общественные ожидания и носить вызывающую одежду. В Советском Союзе надо было быть готовым к тому, что тебя в любой момент арестуют, насильно подстригут, исключат из школы или из университета, что тебя изобьют милиция или дружинники, а также к тому, что ты никогда не сможешь сделать профессиональную карьеру. Также существовал большой риск того, что твои родители могут потерять свои должности, а тебе самому будут угрожать лишением родительских прав, а также что ты окажешься под наблюдением, тебя будут преследовать и задержат при первом удобном случае. Вдобавок приходилось терпеть неприязнь со стороны общества, которое видело в альтернативной молодежной культуре предательство традиционных советских ценностей, особенно тех, которые сформировались во время Великой Отечественной войны.

На Западе тоже можно было столкнуться с подобными проблемами хипповской жизни, но все же это считалось чем-то из ряда вон выходящим. Подавляющее большинство американских

¹ Интервью с Валерием Стайнером.

Ил. 2. Сосуществование: хиппи Михасс Санадзе и милиционер, Воронежская область, 1983 год. Из коллекции Музея Венде, Лос-Анджелес

хиппи приходили в движение и из него уходили, кто-то из них мог попасть под полицейские дубинки на демонстрации. Но потом они возвращались к «нормальной» жизни и находили себе место в обществе, которое обладало достаточной гибкостью для того, чтобы принять умеренных нонконформистов, и которое со временем менялось, впитывая многие хипповские ценности. В Советском же Союзе каждый человек, который идентифицировал себя с хиппи и выглядел как хиппи, подвергался преследованиям, далеко выходящим за рамки простых насмешек. Да, поначалу молодые люди скорее «играли в хиппи». Но вскоре власти дали понять, что безобидных игр не бывает. Уже к тому времени, когда Кисс впервые увидел Офелию и Азазелло, ему было известно, что за такую жизнь придется платить. Кисс был прав, когда говорил о своем «перфекционизме» как о благоприятствующем хипповству факторе. Являясь сообществом личностей, советские хиппи *сознательно* становились аутсайдерами, как и другие советские нонконформисты, например отказники и диссиденты. У хиппи было много общего с участниками этих

движений — радикализм, целеустремленность и готовность к самопожертвованию, но также в определенной степени ранимость и хрупкость, которые вынуждали их бежать от жестокости повседневной советской жизни¹.

И все-таки было бы неправильным думать о советских хиппи как о чем-то исключительном. Слишком часто маргиналы в обществе не принимаются в расчет, так как считаются группами, которые могут быть изучены только отдельно или с учетом их подчиненного статуса. Это подчеркивание их отличий и обособленности в немалой степени обусловлено тем, что большинство маргинальных слоев общества именно так любят себя описывать. В целом, оглядываясь назад, члены подобных групп склонны рассматривать свою жизнь как одну продолжительную попытку дистанцироваться от смутных, в известной мере, представлений о норме. Кроме того, маргиналы — в силу своей маргинальности — плохо представлены в письменных источниках, и это особенно очевидно в случае с Советским Союзом, где средства массовой информации не уделяли им внимания (а если и уделяли, то представляли их в очень искаженном виде), а большая часть документов МВД и КГБ закрыта для исследователей (к тому же с этими документами есть свои проблемы). Поэтому историки в значительной степени полагаются на автобиографические источники, в основном на устные воспоминания. Простой пример: если бы я не проговорила с Киссом три часа подряд у него дома на севере Манхэттена, я бы вообще не узнала ничего о его жизни. Он не оставил после себя никаких записей. Насколько мне известно, в доступных архивах о нем нет никаких упоминаний. И даже его обширная коллекция фотографий бесследно исчезла. Мне пришлось полагаться на его рассказы и свои личные ощущения. Собирая

¹ Личные биографии диссидентов и отказников гораздо лучше задокументированы. Сочетание радикализма и уязвимости можно обнаружить в ряде биографий и биографический очерков, см., например: *Nathans B. The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the Idea of Rights under «Developed Socialism»* // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66. № 4. P. 630–663; *Tromly B. Intelligentsia Self-Fashioning in the Postwar Soviet Union: Revol't Pimenov's Political Struggle, 1949–57* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 1. P. 151–176; *Rubenstein J. Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights*. Boston: Beacon Press, 1980.

информацию о хипповской жизни Кисса, я, конечно, обратила внимание на то, как он живет сейчас, в 2011 году. На его многоквартирный дом на северной окраине Манхэттена, в котором живут исключительно русские эмигранты. На его попытку примкнуть к какому-нибудь сообществу, обратившись в иудейскую веру. На спартанские условия его жизни. В последующие годы через социальные сети я могла наблюдать его навязчивую страсть к молодой девушке, которая не отвечала ему взаимностью, и то, как он терял чувство реальности. И наконец, в марте 2016 года я узнала о том, что его убил сосед по квартире, агрессивный наркоман¹.

Но задолго до того, как Кисс стал героем криминальной хроники в *New York Post*, он был советским подростком, очарованным ангелами. Его история — это не только история человека субкультуры, но и история позднего социализма. В свидетельствах хиппи можно встретить много того, что выходит за рамки парадигмы «исключительности». И в его рассказах встречается множество ситуаций, в которых он и его друзья не выделялись из позднесоветского общества, а были его органической частью. Кисс был из семьи советской интеллигенции — постоянно растущей демографической группы в стране с очень успешной образовательной политикой². Но именно эта группа населения — городские, хорошо образованные дети из семей профессионалов — стала наиболее отчужденной частью советского общества. Мать Валерия, работавшая учительницей начальных классов, сделала успешную карьеру и получила возможность поехать на фестиваль молодежи и студентов в Восточный Берлин в 1973 году, чтобы познакомить своего сына с самой захватывающей стороной советского интернационализма. Его любовь к книгам тоже была совершенно типичной для хорошего

¹ Его убийство не имело ничего общего с его хипповством, но стало печальной кульминацией жизни, которая все больше выходила из-под контроля после того, как он эмигрировал в Нью-Йорк в 1990-х годах. Он был убит своим соседом-наркоманом во время ссоры из-за денег: *Cohen Sh., Schram J., Allan M. Man Stabs Roommate to Death, Tells 911 Operator: «I killed the guy» // New York Post. 2016. March 11. URL: <https://nypost.com/2016/03/11/man-stabs-roommate-to-death-tells-911-operator-i-killed-the-guy/>.*

² Молодежь СССР: статистический сборник / Ред. Т. Н. Кардановская. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 85–101.

советского воспитания¹. И его разочарование в официальной идеологии, и поиск альтернативного образа жизни — все это не отдаляло его от подавляющего большинства населения эпохи позднего социализма, а, наоборот, объединяло с ним. Потому что очевидно: к середине 1970-х советское общество реагировало на недостатки (и, безусловно, возможности) социалистической действительности большим количеством механизмов, предназначенных для создания пространств и сообществ, которые одновременно и были связаны с официальной советской системой, и находились за ее пределами. Алексей Юрчак назвал их пространствами «внеаходимости» и отождествил со средой обитания своего поколения продвинутой молодежи, которой удавалось жить одновременно внутри системы и вне ее. В действительности было много разных меняющихся вариантов этих самых пространств «внеаходимости», включавших в себя загородные дачи и кухни в квартирах, дикие пляжи и курилки в крупных библиотеках, где собиралась не только молодежь, но и люди разного возраста и социального происхождения². Все эти пространства «внеаходимости» объединяло то, что они способствовали развитию альтернативных сообществ, бросающих вызов господству социалистических структур.

Хиппи, такие как Офелия, Азazelло и Кисс, были экстремальным проявлением этого процесса. Их судьба и образ жизни выглядят удивительно символическими для многих описаний позднего социализма. Наряду с описаниями пространств, вневременность позднесоветской жизни стала общепризнанной характеристикой мира, который был «казалось, навсегда» и который создал культуру, сознательно отказавшуюся от привязки ко времени. Хиппи, которые, как «ангелы», «вечные дети» и «существа из космоса», олицетворяли это ощущение замершего времени и исчезновения будущего как содержательного понятия³.

¹ Слэзкин Ю. Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ; Corpus, 2019.

² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

³ Там же; см. также статью А. Фишзон в специальном выпуске «Cahiers du monde russe»: *Fishzon A. The Fog of Stagnation: Explorations of Time and Affect in Late Soviet Animation // Communications and Media in the USSR and*

Они представляют собой отличный пример для изучения того, как далеко можно было уйти от общераспространенных нормативных представлений, которые сами определялись и постоянно пересматривались в результате изменений норм и правил. Таким образом, советские хиппи очерчивали контуры реально существовавшего советского проекта, высвечивая не только его границы, но и территорию внутри и, собственно, его ядро. Хиппи не находились за пределами позднего социализма, они были фактором, его сформировавшим.

История Кисса напоминает нам о том, что маргинальность не только была выбором, но и навязывалась извне. Советский Хиппиленд создавали не только сами хиппи, но и другие игроки, включая тех, чье присутствие было нематериальным или воображаемым: разумеется, среди них был Запад, который вдохновлял и «развращал» советскую молодежь; был здесь и современный глобализм, с которым официальный СССР заигрывал, но который одновременно и осуждал как провозвестника капитализма; были и взаимоотношения между послевоенными поколениями. Запад и его различные представители стали внешним собеседником в этом внутреннем диалоге: собеседником, который редко вмешивался в разговор напрямую, но чье воображаемое внимание и мотивация влияли на поступки каждого советского действующего лица. И в самом деле, во времена позднего социализма Запад присутствовал повсюду, как закадровая музыка. Кисс практически не упоминает Запад, а о западных хиппи говорит лишь вскользь. Но не потому, что он не ценил их идеи или не знал, что власти преследовали его в том числе и за любовь к западным вещам: музыке, одежде и идеалам свободы, — нет, он не упоминал Запад, потому что он воспринимал его как данность. Точно так же как и репрессивные меры против хиппи со стороны советских властей считались чем-то само собой разумеющимся — ничего необычного. Кисс отмечает, что реакция общества побуждала его действовать так, а не иначе. Именно из-за враждебности своих сограждан он искал себе особое сообщество и придерживался своих убеждений.

Однако здесь важен не личный взгляд Кисса, окрашенный его собственным опытом еврейского мальчика в стране, которая была пропитана и скрытым, и неприкрытым антисемитизмом, а то, насколько тесно были связаны друг с другом советская действительность и самосознание советских хиппи.

Большинство молодых людей начинали свою «хипповскую карьеру» с прослушивания музыки «Битлз» и чтения заметок про хиппи Сан-Франциско (которые, например, публиковались в советском журнале «Вокруг света»). Но затем все они быстро менялись под влиянием среды, в которой росли и социализировались и в которой они были обречены остаться на всю жизнь. Это относилось как к отдельным хипповским судьбам, так и к сообществу, созданному советскими хиппи, которые дали ей странное имя *Система*. Это название не ошибка и не случайность. *Система* хиппи отражала другую систему и бросала вызов именно ей — официальной системе советской власти, которую в разговорной речи также называли просто «системой». Хиппи и придумать не могли ничего лучшего для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к советской жизни — хотя они и утверждали обратное. Несмотря на то что их любимая фраза во время интервью — «Я не вписывался в советскую систему», в действительности этим противоречием между самоопределением и отчетливой лингвистической и культурной принадлежностью к советской официальной системе во многом определяется существование советских хиппи. Отношения между советской системой и *Системой* включали в себя отрицание, подражание, враждебность, зависимость, торг, использование и репрессии. Короче говоря, единственное, что оставалось неизменным, это сам факт отношений: чем бы ни занимались хиппи, что бы ни делали советские власти и как бы ни вело себя советское общество, все участники были тесно друг с другом связаны, находясь внутри страны с закрытыми границами и глубоко укоренившимися духовными ценностями. Их объединяли идеи, основополагающие как для хиппи, так и для советских людей; эти идеи, на первый взгляд, казались враждебными друг другу, но при ближайшем рассмотрении обнаруживали большое сходство. Хиппи были тесно связаны друг с другом, поскольку жили в тех же местах, пользовались теми же вещами и обладали